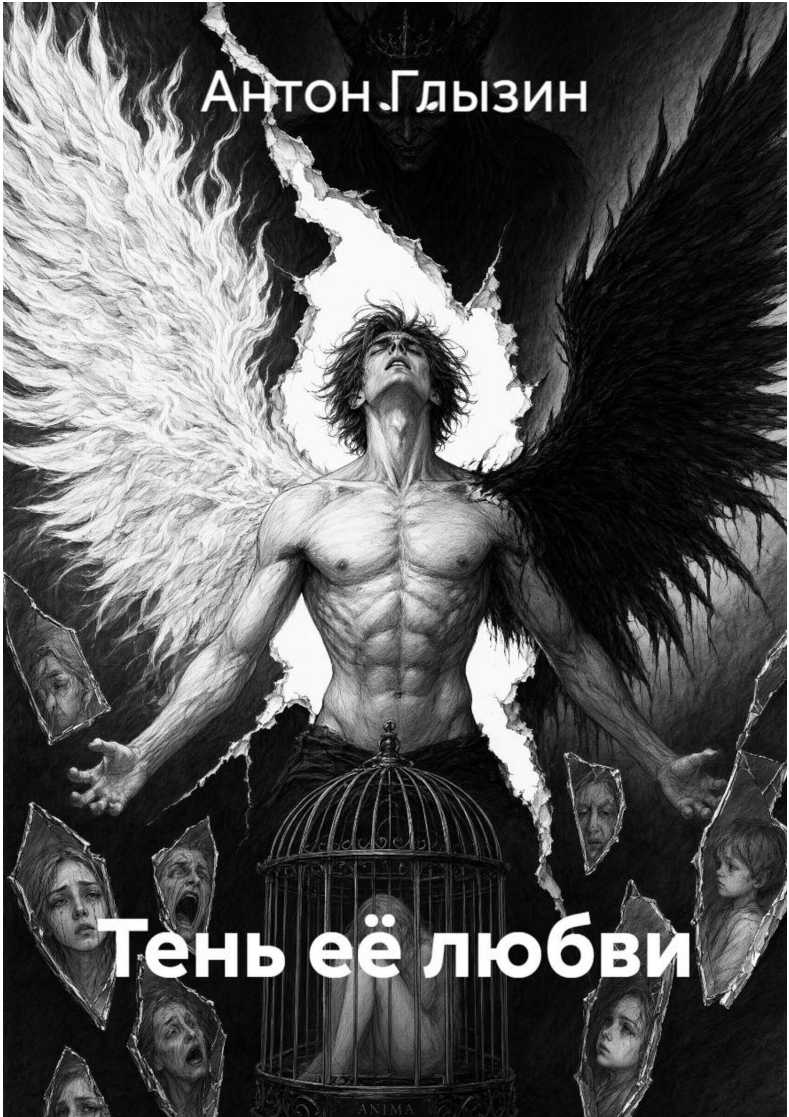
Антон Глызин
Тень её любви

Антон Глызин
Тень её любви

https://litres.ru/74699858
SelfPub; 2026

Аннотация

Он — врач. Он привык спасать. Но однажды он не спас самого близкого человека.

С тех пор прошёл год. Год он живёт с этим. Год он пишет письма той, которой больше нет. Год он не может отпустить.

А потом появляется она. Девушка из тумана. Странная. Молчаливая. Не понимающая, что такое шоколад. Что такое кожа. Что такое люди.

Она не говорит ни слова. Но она смотрит. И в её глазах — что-то, чего он не видел давно. Что-то, что заставляет его снова дышать.

Но чем ближе он к ней, тем яснее понимает: она — не то, чем кажется. И его прошлое — не то, чем он привык его считать.

Это история о любви, которая не отпускает. О вине, которая не даёт дышать. И о том, что иногда, чтобы спасти кого-то, нужно сначала спасти себя.

Содержание

Пролог 7
Часть I. Начало 10
Глава 1. Песок под ногами 13
Глава 2. Призрак ночи 17
Глава 3. Она пришла из тумана 22
Глава 4. Она не умеет говорить 28
Глава 5. Он читает ей стихи 33
Глава 6. Её тело замедляется 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Тень её любви

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело…

— Ф. И. Тютчев

Пролог

Где-то пищало. Ровно. Монотонно. Она не знала, что это.

Ветер не имел границ. Он проходил сквозь стены, сквозь деревья, сквозь тела. Он не чувствовал — он был. Но когда она пролетала над городами, она видела странное: люди останавливались, смыкали руки, касались губами губ. Их глаза закрывались. Их дыхание замедлялось.

Она не понимала.

Она наблюдала за ними веками. С высоты. Сквозь туманы. Она видела, как они плакали над теми, кого уже нет. Как смеялись, когда никто не смотрел. Как шептали друг другу слова, которых не было в воздухе.

Она спросила у ветра.

Ветер не ответил. Он не знал ответа.

Писк не прекращался.

Тогда она решила проверить сама.

Она была из тех, кто держит мир. Не человек. Не дух. Что-то между. Они умели замедлять себя — настолько, чтобы стать плотной. Стать видимой.

Она знала, что это опасно. Но любопытство было сильнее.

Она замедлилась.

Сначала — ничего.

Потом — всё сразу.

Ветер, который всегда проходил сквозь неё — сквозь её

грудь, сквозь её мысли, сквозь то, что было ею, — вдруг остановился. Не исчез. Остановился. И стал плотным. Густым. Тяжёлым.

Он больше не нёс её. Он её держал.

Она почувствовала это впервые. Не как мысль. Как давление. Что-то давило на неё со всех сторон — медленно, но неумолимо. Словно её опускали в воду — и не давали всплыть.

Она хотела оттолкнуться. Хотела вернуться. Но тело — то, чего у неё никогда не было, — уже начинало быть. И оно не слушалось.

Первый звук, который она услышала извне, — не ветер. Что-то другое. Тонкое. Тянущееся. Словно где-то натянули струну и не отпускали.

Потом — второй. И третий. Ровный ритм. Откуда-то изнутри её самой. Она не знала, что это.

Она впервые ощутила, что такое «внутри». И что такое «снаружи». И что между ними — граница. И эта граница — она сама.

Тогда она испугалась.

Страх пришёл не извне — он поднялся из глубины, из того места, где раньше ничего не было. Он был холодным и плотным, как вода под коркой льда.

Она хотела закричать. Позвать ветер. Но голоса не было. Голос ещё не родился. Он должен был родиться вместе с телом. А тело ещё не было готово.

Где-то вдалеке — очень далеко, за сотни миров, — что-то заскрипело по камню. Медленно. Тяжело. Словно где-то катилось что-то большое.

И почти сразу — резкий, короткий звук, будто что-то разорвалось.

Она не услышала ни того, ни другого.

Она падала.

Падение было не вниз. Падение было внутрь. В себя. Туда, где только что появилась граница, и за которой — ничего. И это ничего росло, становилось плотным, становилось материей.

Песка ещё не было. Была только тьма и вес. И в этой тьме — очень далёкий, ровный, монотонный писк.

И где-то — ещё дальше — стук.

Три раза.

По стеклу.

Часть I. Начало

В начале всегда одно и то же: кто-то приходит, кто-то ждёт, кто-то смотрит со стороны. Я — тот, кто смотрит. И я уже знаю, чем кончится. Но каждый раз надеюсь, что ошибусь.
— Д.

Глава 1. Песок под ногами

Туман поднялся от воды. Плотный. Как дыхание.

В нём — фигура. Женская. Размытая. Потом — чёткая. Потом — девушка.

Она шла по воде. Потом — по песку. Потом — упала.

Не в том смысле, в каком падают люди — споткнувшись или потеряв равновесие. Она упала, потому что перестала быть воздухом. Потому что её вибрации замедлились настолько, что мир схватил её за щиколотки и дёрнул вниз.

Песок был мокрым. Холодным. Он впился в её ладони, и она впервые поняла, что такое поверхность — не как граница между стихиями, а как преграда. Как то, что не пропускает тебя сквозь себя.

Она попыталась встать — и не смогла. Тело было странным. Тяжёлым. Ноги дрожали. Не от слабости. От веса. Она никогда не знала, что у неё есть вес. Она была ничем — и вдруг стала чем-то.

Она опустила голову, посмотрела на свои руки. Провела рукой по песку — и песок остался на её пальцах. Она поднесла руку к лицу. Каждая песчинка была отдельной, осязаемой, реальной.

Она дотронулась до своего лица.

Кожа. Тёплая. Под пальцами — нос, губы, веки. Она провела по щеке и почувствовала, что под кожей есть что-то

твёрдое.

Кость.

Она надавила. Кость не поддалась. Она была твёрдой — твёрже, чем всё, что она знала. Твёрже камня. Твёрже земли. Твёрже всего, что можно было сломать.

Она провела пальцами по скуле, по челюсти, по виску. Везде — одно и то же. Под тёплой, мягкой кожей — твёрдое. Неподвижное. Тайное.

Она нажала сильнее. Под пальцами что-то щёлкнуло — тихо, внутри, словно где-то в глубине провернулся крошечный механизм. Она отдёрнула руку.

Она снова приложила пальцы к виску. Прислушалась. И почувствовала — не звук, а ритм. Ровный. Медленный. Изнутри. Не из воздуха. Не извне. Из неё.

Она не знала, что это.

Она приложила ладонь к груди — туда, где под кожей тоже было твёрдое. И снова — ритм. Тот же самый. Ровный. Медленный. Её.

Она замерла.

Она поняла, что теперь у неё есть внутри. И это внутри — не она. Это что-то в ней. Что-то, что дышит. Что-то, что стучит. Что-то, что живёт своей жизнью.

И если это что-то остановится — она исчезнет.

Она не знала, откуда пришла эта мысль. Но она была холодной и ясной, как вода под коркой льда.

Она засмеялась — нервно, отрывисто. Беззвучный смех

вырвался сам, как будто тело не знало, что ещё делать с этим новым чувством.

Она хотела поделиться этим открытием с ветром — как делала всегда. Но ветер молчал. Она позвала его снова — тихо, мысленно. Тишина.

И тогда она впервые испугалась по-настоящему. Не того, что она в теле. А того, что она одна.

Она села. Руки дрожали. Она попробовала ещё раз — провела ладонью по груди, по животу, по бёдрам. Всё было тёплым. Всё было внутри. Она впервые поняла, что значит внутри — и что есть снаружи. И что между ними — граница. И эта граница — она сама.

Это было страшнее, чем падение.

Море дышало рядом. Она повернулась к нему. Волна коснулась её ступней — и она вздрогнула. Холод. Холод был настоящим. Он не проходил сквозь неё, как раньше. Он облизывал её кожу, оставляя мурашки.

Она зачерпнула воду ладонями и поднесла к губам. Солёная.

Она посмотрела на море. Оно было огромным. Оно было живым. Оно дышало — так же, как она. И она поняла, что теперь она — как оно. Отдельная. Но связанная.

Она поднялась и пошла по берегу. Медленно. Осторожно. Ноги были чужими, но уже послушными. Она чувствовала ветер — но теперь он не проходил сквозь неё, а касался её кожи. Её кожи.

Она села на песок, обхватив колени руками, и стала смотреть на луну.

Луна была яркой. Белой. Холодной. Она зажмурилась. Но свет не исчез.

Она вдохнула. Как впервые. Воздух был солёным. И горьким. Как лекарство.

Где-то за парком — что-то заскрипело. Медленно. Тяжело. Словно где-то тормозила большая машина. Потом стихло.

Она резко обернулась.

Она смотрела на песок рядом с собой. Там был след. Один. Мужской. Словно кто-то стоял рядом. И ушёл.

Она не помнила, чтобы кто-то был.

Она провела по следу рукой. Песок осыпался. След исчез.

Она осталась одна.

Где-то — очень далеко — пищало.

Она не услышала.

Глава 2. Призрак ночи

Ключ повернулся.

Тишина. Густая, как вода.

Он не включил свет. Прошёл в комнату. Сел за стол. Стопка бумаг. Верхний лист — вчерашний.

Он берёт его. Читает.

«Ты сегодня приснилась мне. Ты кашляла. Я проснулся. Я хотел принести тебе воды. Но воды не было. Тебя не было. Я сидел на кровати. Час. Два. Потом встал. Пошёл на работу. Сегодня мне удалось спасти мальчика. Представляешь, у него был такой же недуг. Мы его оперировали три часа. Но он будет жить. Мальчик выжил. Я каждый раз думаю, что если бы ты дала мне возможность тебя прооперировать, то мы бы сейчас были вместе».

Он кладёт лист обратно.

Берёт ручку. Открывает новую страницу. Пишет:

«Сегодня я снова думал о том дне. Я держал твою руку. Ты сказала: Не бойся. Я — боялся. Я до сих пор боюсь. Ты знала?»

Он останавливается. Смотрит в окно.

Там — темно. Он не видит её. Но он знает, что она где-то там. Он не верил в Бога. Он верил в неё. Её не было. Бог молчал.

Он дописывает: «Я люблю тебя».

Снизу листка ставит: Д.

Он кладёт тетрадь. Кладёт её в стопку. Сверху. Ровно.

Он сидит.

Где-то в доме пищало. Он не обращал внимания. Он привык.

Он встаёт из-за стола и идёт к шкафчику. Достаёт виски. Стопку.

Через час он слышит стук.

В окно бьётся ворона.

Он открывает.

Ворона не улетает.

Она сидит на подоконнике. Смотрит на него. Чёрная. Большая. Спокойная.

— Кыш, — говорит он.

Ворона не двигается.

— Кыш.

Она смотрит.

Он смотрит.

Ворона наклоняет голову. Медленно. Словно изучает его. Потом — стук.

Клювом по стеклу. Ровно. Как молоток.

Он вздрагивает.

Стук.

Стекло не трескается. Но звук — твёрдый. Словно где-то далеко, в другом мире, кто-то стучит по камню.

Стук.

Ворона замолкает. Смотрит на него. Ждёт.

Он не двигается.

Она снова наклоняет голову. И — отводит взгляд первой. Как будто увидела что-то. Или услышала. Или вспомнила.

Она улетает. Не резко. Не взмахом. Просто — поднимается. Медленно. И растворяется в темноте.

Он закрывает окно. Быстро.

Руки дрожат.

Он стоит у окна ещё минуту. Смотрит в темноту. Но там — ничего. Только ночь. Только луна. Только где-то — очень далеко — писк.

Он берёт ключи. Выходит из квартиры.

На лестничной клетке — мальчик.

Мальчик стоит у перил. Смотрит на него. Молчит.

Он проходит мимо. Не оборачивается.

На улице — ночь. Тёплая. Пахнет морем и мокрым асфальтом.

Он идёт через тёмные переулки. По которым ходил много раз. Он знает каждый камень. Каждую трещину. Каждую тень.

Где-то — за домами — что-то заскрипело. Медленно. Тяжело. Словно где-то тормозила большая машина.

Он не обернулся. Он привык.

Потом стихло.

Он подходит к кладбищу. Заходит.

Находит могилу. Отдалённую от других. На ней написано:

«Майя. Ты всегда со мной».

Он садится рядом.

Он достаёт листок. Читает. Тихо. Шёпотом.

Закончив, он смотрит на гранитную плиту. Словно ждёт ответа.

Но слышит только мёртвую тишину.

Он кладёт листок в баночку. В которой уже накопилось немало листков. И уходит.

По пути он допивает виски.

Проходя через мост к пристани, он подходит к краю моста и смотрит вниз. На море. Он слегка шатается.

И вдруг — он видит силуэт.

Девушка. На берегу.

Он отходит от края моста. Идёт на пристань. Быстро. Его шатает.

Через десять минут он у берега.

Но здесь никого нет.

Он ходит взад-вперёд. Никого. Он умывается водой из ладоней.

— Наверно, мерещится, — говорит он вслух.

Он поворачивается, чтобы уйти.

И видит след.

Один. На песке. Мужской. Словно кто-то стоял здесь. И ушёл.

Он смотрит на след. Пока песок не начинает осыпаться сам.

Потом — след исчезает. Песок осыпается. Сам. Без ветра.

Он стоит ещё минуту.

Потом идёт домой.

Ключ повернулся.

Тишина. Густая, как вода.

Он не включил свет. Прошёл в комнату. Сел за стол. Стопка бумаг. Верхний лист — вчерашний.

Глава 3. Она пришла из тумана

Солнце садилось. Медленно. Как всегда.

На берегу почти никого не осталось — последние несколько человек уходили.

Сегодня он пришёл раньше. Сел на лавочку у беседки. Открыл тетрадь. Начал писать. Слова шли тяжело. Он зачёркивал. Писал снова. Рвал листок. Бросал в корзину.

Время шло.

Он поднял голову.

Начинало вечереть.

Он заметил прохожего. Мужчину. В костюме. Тёмном. Слишком тёплом для этого вечера. Лицо — обычное. Такое, что не запомнишь.

Он шёл через нерабочий светофор к его беседке.

— Вы не подскажете время? - спросил он у мужчины.

Он посмотрел на него. Потом полез во внутренний карман. Достал часы. Карманные. Старые. С крышкой. Открыл.

— Семь.

Он смотрел на циферблат. Стрелки шли. Тикали. Ровно. Звучно.

— Спасибо, — сказал юноша.

Мужчина кивнул. И пошёл вдоль парка.

Он смотрел ему вслед. Потом отвернулся. Открыл тетрадь. И забылся.

Он не заметил, как на песок упала тень. Женская. Размытая. Потом — чёткая.

Она появилась неожиданно на том же месте, где и в первый раз.

Она сидела на песке и смотрела на камни, на волны, на уходящее солнце. Оно согревало её тело. Она не знала, что это — удовольствие. Но это было хорошо. Она не понимала, почему не может долго на него глядеть — в глазах появлялась боль и тёмные круги. Она изучала мир, как ребёнок изучает свои пальцы. Каждый шорох, каждый отблеск света был новым.

Кто-то говорил. Далеко. Тихо. Она не понимала слов. Но голос был знакомым.

Она повернула голову и только сейчас заметила молодого человека в беседке, отдалённой от берега. Ей было любопытно. Он был похож на неё — или они были разными? Этот вопрос не давал ей покоя.

Парень сидел с хмурым видом над тетрадью и что-то писал. Он то зачёркивал, то снова писал, то разрывал листок и выбрасывал в корзину.

Она подошла к нему и стала пристально наблюдать за ним с расстояния двух метров.

Парень сразу обратил на неё внимание. Он посмотрел на неё.

— Вам помочь? — спросил он и ждал ответа.

Она слышала его голос. Она чувствовала его слова как

вибрацию в воздухе. Но она не знала, как ответить. В её глазах не было ни боли, ни испуга, ни вопроса. Только — внимание. Как у птицы, которая видит человека впервые.

Она подошла ещё ближе и дотронулась до его запястья. Парень неожиданно отдёрнул руку и посмотрел на неё.

— Девушка, я ещё раз спрашиваю: вам помочь? — спросил он с лёгким волнением.

Она увидела, как изменилось его лицо — на мгновение там мелькнуло что-то похожее на страх. Или раздражение. Она не знала, как это назвать. Но внутри неё что-то сжалось. Она опустила руку и сделала шаг назад — впервые за всё время. Ей стало холодно.

— Вы умеете говорить? — снова спросил он.

Она пожала плечами и показала на берег, откуда в первый раз появилась.

— Я не понима… Я… Вы хотите, чтобы я пошёл туда? — он показал пальцем на себя, потом на тот берег.

Она улыбнулась.

— Эх… Так и не удастся мне сегодня поработать, — с ворчливым видом сказал он, убирая тетрадь в сумку.

Он пошёл на берег, а она за ним. Она наблюдала, как он идёт.

Он сел на песок, а она рядом. Он посмотрел на неё вопросительно, но она не поняла его — просто села рядом. Они сидели на достаточном расстоянии, чтобы она чувствовала его тепло. Он открыл тетрадь и начал писать. Она смотрела

на его пальцы, на то, как они двигались по бумаге. Это было красиво. Это было странно.

Он поднял глаза.

— Ты не из этих мест, да?

Она покачала головой.

— Хочешь, я прочитаю тебе свои стихи? — сказал он с энтузиазмом, показав ей тетрадь.

Она снова улыбнулась — её глаза засветились, как два янтаря.

И он читал, а она слушала.

Она не понимала слов. Но что-то в ней — замечало. Не чувство. Не мысль. Просто — внимание. Как будто каждая строчка ложилась куда-то. И оставалась. В том месте, где только что появилась граница.

Он закончил. Посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, что я говорю?

Она не ответила. Только — улыбнулась. Но для него этого было достаточно.

— Это стих для… — он замолчал. — Неважно. Просто ты похожа. Не внешне. Чем-то. Я не знаю чем.

Он посмотрел на неё. Хотел что-то добавить. Но потом — отвернулся. И стал снова изучать свою тетрадь.

Вдруг он заметил на её запястье браслет.

Тонкий. Кожаный. С руническими символами. Символы переливались. Не блестели — переливались. Как будто были живыми. Как будто дышали.

Он смотрел на браслет.

И — замер.

Он видел его раньше. Где-то. Когда-то.

Он закрыл глаза. На секунду.

И — вспомнил. Не картинку. Не лицо. Только ощущение. Как пальцы касаются кожи. Как застёгивается пряжка. Как рука — её рука — отдёргивается в последний момент.

Он открыл глаза.

Браслет — на месте. На её запястье.

Он смотрел на него дольше, чем следовало. Она — заметила. Посмотрела на него. Потом — на браслет. Потом — убрала руку. Медленно.

Он не сказал ничего.

— Интересный браслетик, — сказал он. Наконец. Голос был ровным. Слишком ровным. Как у человека, который боится, что голос дрогнет.

Она не ответила. Только — улыбнулась. И — посмотрела на него. Внимательно.

Он отвернулся. Поднял голову на закат.

Солнце уже почти ушло. Осталась только полоска — тонкая, красная. Как шрам.

«Я не должен быть здесь, — подумал он. — Майя бы не одобрила. Но я не могу уйти».

Он не сказал этого вслух. Но она — посмотрела на него. В этот момент. Как будто услышала.

А время шло.

Они продолжали сидеть. И смотреть на море и уходящее солнце. В тишине.

Он не заметил, как она исчезла.

Просто — в какой-то момент её не стало рядом. Он не стал искать. Не удивился.

Может, она вернётся.

А может — нет.

Он не знал.

Он встал. Отряхнул песок с брюк. И пошёл домой.

Глава 4. Она не умеет говорить

Он пришёл раньше.

Расстелил покрывало. Расставил угощения. Всё — как вчера. Как позавчера. Как каждый вечер.

Он не знал, придёт ли она. Но пришёл раньше. И ждал.

Она пришла.

Он вздрогнул. Не потому что испугался. А потому что не услышал. Она всегда приходила беззвучно. Как будто не шла. Как будто появлялась.

— Я не заметил, как ты подошла, — сказал он.

Она не ответила. Просто — села. Рядом. Ближе, чем вчера. Ближе, чем позавчера. Каждый день — на ладонь ближе.

На берегу уже никого не было. Только этот берег. И они.

Она осторожно взяла виноградную гроздь. Повертела её в руках. Ягоды были гладкими, прохладными, подозрительно круглыми. Она понюхала их. Посмотрела на него.

Он улыбнулся. Но ничего не сказал.

Она положила гроздь обратно. Она не знала, что с этим делать.

Потом он протянул ей что-то тёмное, прямоугольное, в блестящей обёртке.

Она посмотрела на него с лёгким непониманием.

— Тебе не нравится шоколад? — спросил он с осторожностью.

Он сам взял дольку из плитки. И откусил.

Когда она увидела это — её глаза расширились. Она посмотрела на его рот. На его губы.

Она провела своими пальцами по его губам. Которые только что съели коричневую песчинку.

— Ты красивая, — сказал он.

Она не поняла. Но улыбнулась.

Он отвернулся. Посмотрел на море. Он не должен был этого говорить. Но сказал.

Она настороженно взяла плитку. Положила в рот.

Её глаза расширились. На лице появилась улыбка. Она взяла ещё. И ещё.

— Ну… я же сказал, должно понравиться, — тихо сказал он, пока она набивала себе рот шоколадом.

Через несколько секунд она остановилась.

Она не понимала, почему этот шоколад так приятно тает во рту. Но она посмотрела на него — с благодарностью. Словно хотела сказать спасибо за такое открытие.

Когда он посмотрел на неё, он невольно засмеялся. По-доброму.

Её щёки были набиты. Она не успела прожевать. А на подбородке, на пальцах и на покрывале уже были следы шоколада.

— Прости, я не над тобой. Просто у тебя здесь и здесь… — он показал на места, где шоколад остался на её губах и подбородке.

Он дал ей салфетки. Она стала протирать своё лицо. Он снова хихикнул, когда она размазала шоколад салфеткой по лицу.

Он выдохнул. Сам взял салфетку. И стал протирать её подбородок. Губы. Щёки.

Она смотрела на него. Пока он вытирал её лицо. И — впервые — почувствовала. Что значит, когда о тебе заботятся.

Это было странно.

Это было тепло.

Они лежали и смотрели на облака.

Временами он поднимался. Доставал тетрадь. Что-то писал.

Это было неожиданно для неё. Сначала он просто писал. Потом — начал читать вслух.

Она не понимала большинства слов. Но она чувствовала их. Когда он читал, воздух вокруг менялся. Становился теплее. Тяжелее.

Её тело откликалось на его голос. Как струна на ветер.

Она смотрела на него. Когда он читал. Она видела, как двигались его губы. Как менялось выражение его лица. Он был серьёзным, когда читал о боли. Он улыбался, когда читал о счастье.

Он закончил. Посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, что я говорю?

Она только улыбалась.

Но для него этого было достаточно.

Он смотрел на неё. Не отводя глаз.

— Я не знаю твоего имени, — сказал он.

Она не ответила. Она не знала, что это такое. Или — знала. Но не помнила.

— Но мне кажется… — он замолчал. Смотрел. Как будто что-то искал в её лице. Как будто что-то вспоминал. Или — слышал. Откуда-то. Извне. Из глубины. — …тебе бы подошло.

Он замолчал. Так, что стало слышно море.

А потом — тихо. Почти шёпотом. Как будто имя пришло извне. Как будто кто-то шепнул ему на ухо.

— Сильфида.

Она не ответила. Но что-то в ней отозвалось. Не мысль. Не слово. Просто — вибрация. Как будто где-то внутри что-то узнало это имя. Хотя она не знала его. Никогда.

Солнце село.

Она хотела уходить.

Но он обнял её. Не сильно. Просто — чтобы ей было не холодно.

Она посмотрела на него. Улыбнулась.

И — осталась.

— Давай ещё немного посидим, — сказал он.

Она кивнула.

И — в этот момент — внутри неё что-то сместилось.

Не с ним. С ней.

Она почувствовала. Как что-то внутри — сжалось. Как что-то уходит. Не боль. Не страх. Что-то другое. Как будто часть её — отделилась. И — осталась — здесь. На песке. Рядом с ним.

Она посмотрела на свои руки. Они были обычными. Тёплыми. Живыми. Человеческими.

Но — чуть-чуть — легче. Чем раньше.

Она не поняла. Но — запомнила.

Он держал её.

Где-то — очень далеко — пищало.

Глава 5. Он читает ей стихи

Однажды на закате он читал ей стихи.

Он не выбирал этот вечер. Просто — достал тетрадь. Как всегда. И начал.

Я пишу тебе стихи —
Не бумагой, не чернилами.
Я пишу их тишиной,
Той, что стала между нами.
Ты не слышишь — ты читаешь
Теплотой моих ладоней,
Ты не видишь — ты вдыхаешь
Запах соли и полыни.

Он продолжал читать.

Она смотрела на его губы. На то, как они двигались. Слов она не разбирала. Но что-то происходило. Воздух вокруг него менялся. Становился теплее. Плотнее.

Её дыхание замедлилось. Не потому что она хотела. А потому что тело так решило. Тело слушало его. И — отвечало.

Она перестала видеть берег. Камни. Волны. Остался только голос. И — ритм. Как будто он не читал стихи. Как будто он пел их. Только без музыки. Только — голосом.

Голос входил в неё. И — оставался. Не внутри. Не снару-

жи. Между. В том месте, где только что появилась граница.

Она приложила ладонь к груди. Туда, где под кожей — твёрдое. И — ритм. Тот же самый. Ровный. Медленный. Её.

Она посмотрела на его руки. На то, как они держат тетрадь. На то, как пальцы касаются страницы. Она не знала, что это. Но — хотела, чтобы это не заканчивалось.

Она вдохнула. Воздух был солёным. И — горьким. Как лекарство. И — тёплым. Как он.

Он закончил. Посмотрел на неё.

Она не ответила. Но — улыбнулась. И улыбка была другая. Не та, что в начале. Не «чистая». А — тёплая. Как будто что-то в ней проснулось. Или — вспомнилось.

Он закрыл тетрадь. Положил её на песок.

Она смотрела на тетрадь. Не мигая.

Потом — протянула руку. И — взяла.

Он не остановил её. Он смотрел.

Она открыла тетрадь. На первой странице. И — начала.

Она не читала. Она не умела читать. Она — пела. Тихо. Без слов.

Она повторяла его ритм. Его дыхание. Его паузы.

Она старалась быть им — и не могла.

Губы двигались. Горло сжималось. Но звука не было.

Только воздух — вдох и выдох — в такт его строкам.

Он слушал.

У неё не было голоса. Она вдыхала воздух и выдыхала в такт. Но он ничего не слышал. Ни звука. Её слышали только

искушённые её музыкой.

Она пела — и не могла. Она старалась — и не получалось.

Она остановилась. Посмотрела на него.

И — впервые — в её глазах было что-то, чего он не видел раньше.

Не вопрос. Не просьба. Боль.

Он забрал у неё тетрадь. Мягко. И — закрыл.

— Не надо, — сказал он. Тихо.

Она смотрела на него. И — кивнула.

Он положил тетрадь на песок. И — посмотрел на неё.

Он хотел сказать что-то. Что-то, что утешило бы. Но — не мог. Потому что не знал, что сказать.

Он взял её руку. И — прижал к своей груди.

— Ты чувствуешь? — спросил он. — Это моё сердце.

Она кивнула. Она чувствовала. Тёплое. Живое. Быстрое.

Он приблизился к её губам. Она продолжала смотреть на него. Тогда он приблизился ещё.

И — осторожно — коснулся её губ своими.

Не как в первый раз. Не как в последний. Просто — коснулся. Коротко. Почти — спрашивая.

Она не отпрянула. Но и не ответила. Она смотрела на него. И в её глазах было — то же самое. Та же боль. Та же невозможность.

Он отстранился. Медленно.

Она посмотрела вниз. На песок.

Он — тоже.

Они — молчали.

Листок выпал. Из тетради. Ветер подхватил его. И — понесло.

Сильфида встала. И — побежала.

Она прыгала. Пыталась поймать. А ветер дразнил её — бросал листок вверх, кружил, уносил в сторону.

Он наблюдал за ней.

И — на секунду — ему показалось, что ветер играет с ней. Как с собственной дочерью. Как с чем-то, что было его. Или — её.

Она поймала.

Она посмотрела на листок. В её руках.

Там было написано — от руки. Неровно. Но — чётко.

«Для Майи».

Она смотрела на эти буквы.

Она не понимала, что это. Она вообще не умела читать.

Она протянула листок ему. Он взял. Быстро.

Он перевернул его. И — спрятал в тетрадь.

Она стояла и смотрела вдаль на море.

Это взгляд он хорошо знал.

Он сам каждый раз так смотрел на могилу.

Ожидая, что она ответит.

Глава 6. Её тело замедляется

Прошло несколько месяцев.

Погода испортилась. Они перешли с берега в квартиру.

Он показывал ей магию кухни. И всех тех устройств, до которых она прикасалась и не знала, что с ними делать.

Он показал ей стиральную машину. Открыл люк, закинул бельё, залил порошок, нажал кнопку.

Она села на пол перед стеклом и смотрела, как бельё крутится в пене.

Он стоял в дверях. Не звал её. Просто смотрел.

Она обернулась — и улыбнулась. Не ему. Барабану.

Он улыбнулся.

Понемногу он стал догадываться, что она не из этих мест. Что она пришла из далёких уголков, где не было такой роскоши. Но сколько бы он ни смотрел на карты, он не понимал, где та цивилизация, в которой она родилась.

Он разложил на столе карты. Мир, страна, город. Водил пальцем по берегам.

Она смотрела. Потом взяла одну карту — и перевернула.

На обратной стороне была реклама.

Она показала на неё. И посмотрела на него.

Он не знал, что сказать.

Она стала его привычкой. Его воздухом. Он не мог представить и дня без неё.

В один из дождливых дней, когда его не было, она почувствовала, что её тело меняется.

Она просыпалась — и не могла встать. Не от усталости. От веса. Руки были тяжёлыми. Ноги — чужими. Она смотрела на них и не узнавала.

Она пыталась вспомнить ветер. Тот, что был внутри. Тот, что нёс её. Но он молчал. Она звала его. Он не отвечал.

Она смотрела на свои руки. На них больше не было тумана. Они были тёплыми, живыми, человеческими. Она провела пальцами по своей шее — и почувствовала пульс.

Каждый раз, когда он её обнимал или целовал, она хотела остаться с ним. Но когда она оставалась одна или у неё появлялись разные боли, она очень сильно желала покинуть тело и улететь, как и раньше, с ветром на поиски приключений. Она была в них свободна. Она была в них собой.

Когда он вернулся, она сидела на полу у окна, обхватив колени руками. Она не смотрела на него. Она смотрела на облака — и в её глазах была тоска, которую он никогда не видел.

Он подошёл. Сел рядом. Обнял её.

Она вздрогнула. Но не отстранилась.

— Что-то случилось? — с лёгким волнением спросил он и обнял её покрепче.

Она подняла на него глаза. Ей что-то хотелось сказать ему. Но вместо этого она просто улыбнулась и покачала головой.

Он взял её за руку.

— Оставайся со мной, — сказал он. — Навсегда.

Она кивнула.

Он сидел с ней рядом. Чувствовал запах волос. Её свитер был слегка колючий, но тёплый и такой знакомый. Ему было тяжело видеть её такой. Он хотел ей чем-то помочь. Но не знал как.

Тогда он вспомнил. Боль. И утрату.

Как болела она. Как она тоже так сидела у окна. И смотрела на облака. Словно её кто-то звал.

— Я не хочу тебя терять… — прошептал он.

Он встал.

— Я тебе помогу.

Он взял её руку и помог ей подняться.

Он привёл её в больницу. Ночью. Когда никого не было.

Он не хотел объяснять. Он не знал, что сказать.

Он взял кровь. Сделал кардиограмму. Проверил давление. Всё — как у всех. Как у здоровых. Как у любых.

Он смотрел на монитор. Ровный пульс. Ровное дыхание.

Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.